

Гапеенко Е.С.

<<Одинокий художник>>

История, которой никогда не было

12+

Егор Сергеевич Гапеенко

ОДИНОКИЙ ХУДОЖНИК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66722190

SelfPub; 2021

Аннотация

Последние выстрелы орудий давно отгремели – кровопролитная война окончилась... Не каждый после её событий может найти себя в мирном времени, а если находит, надолго ли это?

В этом рассказе описываются события из послевоенной жизни простого художника... Из жизни, в которой переплетаются две полосы: чёрная и белая – образуя новую, серую. И вот всё потихоньку начинает налаживаться, линия судьбы постепенно принимает светлый окрас...

Что же может пойти не так у этого, на первый взгляд, обычного человека, вернувшегося к своему любимому делу?

Егор Гапеев

Одинокий художник

Творческим людям всегда тяжело. Они, похоже, немного отличаются от нетворческого склада ума людей, и потому им очень сложно принять себя. Зачастую “творцы” бросаются из крайности в крайность: либо считают себя на порядок выше "серой массы", либо необоснованно занимаются самобичеванием, впадая в капризные приступы. Хотя, пожалуй, выходки им присущи вне зависимости от их состояния...

ПРОЛОГ

Я поведаю вам историю об одном не очень-то известном европейском художнике, который по счастливой случайности оказался вдали от дома. Помотала его жизнь по далёким краям... Но спустя многое время, проведённое в скитаниях, он нашёл новое место, которое мог называть «своим». После пережитых неприятностей, преследовавших его чуть ли не с детства, тот был, на удивление, довольно спокойным, или, может, старался всегда казаться таковым. Ему присуща была скромность: свои работы он подписывал просто " Г. " – первой буквой собственной фамилии. Мастерской – в привычном понимании – у него не было. Местом его поистине волшебной работы являлась небольшая квартирка в центре околостоличного городка Б.. Жил мистер Г. небогато, но с до-

стоинством. Ни в какую не принимал помощи от своего друга, переехавшего вслед за ним хромого генерала-унтерлейтенанта в отставку, даже, наоборот, всячески помогал ему сам, был как родной в его семье. Гордый был человек, жил в соответствии собственными моральными доводами... Мог голодать, чтобы скопить денег на новые краски. Однако всегда был одет элегантно: в чёрную федору, охровый плащ и кожаные перчатки. Казалось, будто одежду его постепенно съедало время, а он, не желая расставаться с ней, продолжал бережно носить.

Половину своих скромных доходов с продажи картин он жертвовал в прицерковный приют, куда по выходным приходил учить ребят рисованию и черчению. Не все ребята ласковым словом встречали шагавшего к ним художника – воспитатели же, как бы кто ни относился к мистеру Г., были благодарны за такую редкую для них возможность – пораньше завершить рабочий день. Разные люди разбредались по разным местам: кто-то спешил домой, кто-то плёлся в пивную, чтобы снять напряжение после тяжкой рабочей недели, а некоторые искали приключений на городской площади.

Каждое Рождество художник проводил в той церкви, участвуя в службе, а после торжественной части, прикупив подарки, приходил на званный ужин в семью, которая стала ему почти родной.

ИСТОРИЯ

Зима в том году не удалась, видимо, осень не пожелала

уступать ей власть. И вот обе представительницы холодного времени года уселись на погодный трон: было свежо и сухо, но пасмурно и ветрено.

В такую погоду со службы шёл мистер Г., держа в руках две авоськи со вкусностями к рождественскому столу. Неродной город в этот день веял чем-то до боли знакомым, чем-то, что вызывало отголоски в памяти художника. Идя по узеньким улочкам, он шурился так, словно вновь чувствовал что-то страшное, знакомое... Запах крови, раскалённого металла и пороховых газов... В его болезненных глазах виднелись тяжелые воспоминания, способные даже из самого стойкого и крепкого мужика беспощадно выдавить слезу. Скупая инеем блестела на коротких ресницах мистера Г., пока её яростно не сорвал бушующий ветер.

Приняли художника, как всегда – радушно. С порога окружён он был заботой: генеральская жена стянула с него бархатистую шляпу и старенькое пальто и понесла в гардеробную, а сам унтерлейтенант с сынишкой на руках радостно встретил гостя на пороге и провёл в гостиную, где их уже жаждался накрытый стол. Малец с горящими глазами потащил принесённые художником конфеты и фрукты на кухню, где хлопотала его мать.

Генерал весь вечер рассказывал затёртые, но забавные анекдоты военного времени, из-за которого на его лысой, трясущейся от смеха голове, блестел багровый след. Жена его всё суежилась над уже готовыми блюдами: то пододвинет

тарелку с салатами, то с сыром, то вообще начнёт переставлять композицию основного блюда, свиного окорока, запеченного с овощами. А мальчонка, ещё с утра отыскав припрятанный подарок, собирал железную дорогу, лишь иногда подбегая к столу, чтобы ухватить что-нибудь аппетитное. За эту беготню его безрезультатно отчитывала перфекционистка-мать и журил вечный мальчишка, отец.

В такие моменты на душе у гостя становилось тепло, он вспоминал своё озорное детство, вспоминал родителей, родной дом. Но, как и всё хорошее, рождественский вечер подошёл к концу – подкралась немая ночь. Завидев усталость хозяев, мистер Г. встал из-за стола, поблагодарил за приём и в сопровождении генерала спустился в прихожую, где перед уходом ещё несколько минут болтал со своим старым другом...

Поздней ночью художник возвращался домой по опустевшему городу, чтобы с утра явиться с подарками для своих близких. Кругом было так спокойно и безмятежно, что складывалось впечатление, будто спокойствие это должно что-то непременно прервать. Казалось, что сейчас на площади включатся прожекторы; завоют сирены; откуда ни возьмись, повыбегают военные и вновь очередями затрещат зенитные установки, простаивавшие экспонатами на площади.

Последней каплей стала старенькая грузовая машина, чей двигатель из последних сил, стараясь не отправиться на заслуженный отдых, толкал её вперёд. Она, прыгая узкими ко-

лёсами на кочках мостовой, жонглировала чем-то крупным внутри крытого кузова, брезентового пуза, чем не на шутку озадачила мистера Г.. Он, услышав знакомый гудок клаксона, пошатнулся и побледнел так, что стал похож на взошедшую над городом полную луну.

Невысокие готические здания давили на ошеломлённого художника, они будто разрушенные дома, став духом войны, преследовали его. Не выдержав этого нападку, он бросился прочь. Задыхаясь и судорожно проверяя часы, болтавшиеся на левой руке, он сломя голову бежал по сужавшимся улицам, прорываясь через дворы, откуда его прогоняли мерцающие фонари.

Добравшись до своего дома, он ветром проскочил через пост задремавшего консьержа и, перепрыгивая по 3 ступеньки, мигом поднялся на верхний этаж. Едва открыв дверь в квартиру, не разуваясь на коврик, спотыкаясь о разбросанные принадлежности собственной «мастерской», мистер Г. добрался до комода, на котором с утра он оставил свежую газету. Схватив её, словно дикий зверь добычу, тот в темноте беспокойно начал выискивать что-то "потерянными" глазами.

Когда желаемое было найдено, от прежнего испуганно-взбешённого состояния не осталось и следа. Он выдохнул с глубочайшим облегчением, и вышел на балкон. Пред ним предстал обыкновенный, знакомый, европейского образца, городок с невысокими разноцветными домиками, с мощён-

ной камнем дорогой. Даже безлюдность на улицах не придавала чего-то ужасающего этому спальному кварталу, в котором находился дом мистера Г.. Окончательно успокоившись, художник покинул балкон, переделся в домашнее и приступил к наведению порядка...

Уборку растяпа поневоле завершил за пару часов до восхода солнца и уставший уснул сидя на комод, опираясь на швабру. Сны приходили дурные, отчего он в конвульсиях ворочался и бубнил что-то под нос, пока наконец не утихомирился, положив голову на потрескавшийся черенок, который он крепко сжал в руках. На рассвете лучи зимнего, едва греющего раннего солнца настигли его. Яркий бело-позолоченный всплеск спросонья напугал художника так, что он с силой откинул швабру от себя, как отстрелявшееся ружьё, и стал мозолистыми руками ощупывать голову: сначала подбородок и затылок, затем лицо.

Массируя седоватые виски, мистер Г. зажмурился, открыл сначала один глаз, осмотрел залитую светом комнату, где против выхода на балкон стоял мольберт с пустым холстом, а на заправленной кровати валялась швабра. После этого открыл другой и, как ни в чём не бывало, занялся утренним туалетом в компактной ванной комнате, в которой висело покосившееся зеркальце со сколом на узористой рамке.

После лёгкого завтрака, состоявшего из вчерашней пшён-ной каши и холодного кофе, художник достал из пыльного ящика сумку-переноску и стал складывать подарки. Он, бе-

режно обернув в ткань, поместил в неё портсигар, который он собственноручно выточил из припрятанного бруса красного дерева. Предварительно в изделие он спрятал футлярчик, в котором находилось серебряное колечко с топазом. Его в награду за мастерски выполненную работу мистер Г. получил от лавочника-ювелира. Суть дела заключалась в написании портрета этого хитрого борова, дуrivшего клиентов. Однако назвать этого типа неприятным не повернётся язык, даже у того, кто столкнулся с его махинациями: торгаш был чертовски обаятелен, вежлив и даже излишне обходителен, а также ловок, несмотря на полноту.

Угодить сынишке унтерлейтенанта была та ещё задача... Но рукастый художник в этот раз учёл прошлые ошибки и новые пожелания, изготовив из дерева и жести модель танка, чертежи которого видел когда-то и на испытаниях которого побывал давным-давно...

В приподнятом настроении он покинул квартиру и направился вниз по лестнице. Навстречу ему поднимался тишайший сосед из второй квартиры, расположенной напротив. Они обменялись поздравлениями и разошлись каждый в свою сторону, но укутанный в войлочный шарф тихоня как бы сопровождал его. Он с сожалением смотрел вслед мистру Г., пока тот не скрылся за следующим пролётом.

На улице было морозно, но по-прежнему бесснежно, что свойственно этим местам. По узеньким улочкам бродили улыбающиеся и грустящие жители городка, где жизнь была

неестественно размеренна. Ни следа войны... Она будто не побывала здесь, не оставила свой неизгладимый отпечаток... Кажется, жизнь горожан никогда не менялась и даже в древности текла своим до необычайности обыкновенным чередом.

На площади, мимо которой спешно проходил художник, собралась толпа: сегодня в старый замок, построенный при Бог знает каком герцоге, зазывали гостей на празднование по случаю Рождества. Как правило, по словам мистера Г., там собирались "сливки общества местного разлива": богачи, чиновники, сановники и тому подобные личности. Не желая видеть этих лицедеев, он пошёл по длинному дуговому пути вместо того, чтобы пройти через мосты, прилегавшие к замку.

Само же сооружение удивляло не столь своим обустройством, сколь расположением: замок находился на отделённой от общего городского массива скале, чья форма напоминала песочные часы с микроскопическим горлышком. Прямоком с центральной улицы к нему был проведён тонкий, как лист катаной стали, длинный мост, стоящий на непереплетённых колоннах, уходящих в пропасть.

Добравшись до дома друга, мистер Г. ощутил что-то неладное – холодок пробежал по его спине. Дверь была отперта. Внутри – тишина... Только ветер, посвистывая в щелях, завывал грустную песню... Художник, войдя, прикрыл дверь и оставил сумку с подарками в шкафу, скрытому в

стене прихожей. Удивлённый тем, что его впервые никто не встречает, он заглянул на кухню, где на мраморной столешнице красовалась промытая, ошипанная утка, обложенная недавно очищенным картофелем.

Мистер Г. терпеть не мог розыгрыши. Об этом, конечно, знали в семье... Однако он, на всякий случай, с опаской прокрался в зал, в надежде на то, что сейчас семейство дружно выскочит из-за большого дивана и поздравит его с праздником. Но нет... Там тоже было пусто и до жути тихо. Тогда помрачневший художник решил подняться в кабинет генерала-унтерлейтенанта.

В некогда официальном помещении царил торжественный порядок, построенный военным человеком. Никакой записки на еловом письменном столе мистер Г. не обнаружил, отчего пришёл в ещё большее замешательство. Внимательно осмотрев рабочее место, он обнаружил, что вечно забитые бумагами ящики были пусты, а пистолет, прикрепленный к крышке, отсутствовал...

В остекленевших глазах художника читалось тревожное: "неужели и тут нашли... не может быть...". Он отказывался верить в наиболее логичную версию произошедшего... пытался успокоиться, старался убедить себя, что первая мысль всегда необоснованно тревожна, но вдруг из-за книжного шкафа донеслось сдержанное, но звонкое "апчхи!", а потом и ребяческое "ой...". Опомнившись, мистер Г. подошёл к тому месту, откуда послышался звук, и стал сбрасывать с по-

лок стопки идеально расставленных книг. За томом том, за рядом ряд... Всё летело вниз, до тех пор, пока в потаённой глубине не показались глаза, лицо, а затем и сам мальчонка лейтенанта. На вопрос о том, как он тут оказался, малец ответил: "Мы в прятки играли – папа предложил, сказал: "Ни за что не вылазь, сиди тихохонько как мышь, а я пойду отвлеку"". Вытащив паренька из-за толстого шкафа, мистер Г. вздохнул с облегчением, но тут же, схватив его за руку, помчался вниз. Не до объяснений было...

Они спешно покинули дом, в котором ещё вчера царила радость и беспечность. Своё пальто художник накинул на генеральского сына – тот сопел своим маленьким крючковатым носом на морозе. Похоже, зима столкнула осень с трона: снег повалил крупными хлопьями, постепенно покрывая кривые улочки. Приветливость города сошла на нет, пала, словно маска с лица красавицы в ярком свете завершившегося карнавала. Мистер Г. впервые решился срезать путь через замок, чтобы быстрее добраться до своего дома, где им обоим можно было бы сменить одежду и согреться.

Преодолев мост, некогда первый над пропастью, они вышли на кольцевую дорогу вокруг замка. Она была оцеплена. Среди основной массы гвардейцев художник заметил несколько лиц, облаченных в тёмные пальто и остроугольные шляпы. Это были представители тайной полиции, ранее не появлявшиеся в городе. Вряд ли их прислали для охраны порядка на праздновании... Они явно что-то искали... или

кого-то?

Не оставалось другого выхода, как пройти сквозь старинные герцогские палаты, душой и телом живущие внутри монументальных каменных стен... На входе стояли празднично ряженные глашатаи, проверявшие приглашения. Они голосисто, перекраивая друг друга, объявляли прибывших гостей.

Нельзя описать, как мистер Г. был рад приобретённой рассеянности – в кармане рубашки он нащупал приглашительное письмо. Его он получил после недавней выставки. Эту «бумажку» вручил ему лично держатель галереи, настоящий владелец, которому было начхать на искусство... Что же тогда интересовало этого гражданина? Ответ прост, как и суть таких людей. Прибыль... Его интересовала прибыль, которую ему приносили посетители, зеваки и ценители.

Поднявшись по ступенькам, художник, держа мальчика за руку, подал развёрнутое приглашение глашатаю, тот украдкой осмотрев прибывших гостей, важно объявил:

"Прибыл австрийский художник" – толпа замолчала и оглянулась – "фон Браун, со спутником". Дослушав его слова все, как ни в чем не бывало, вернулись к своим делам: кто-то по-светски улюлюкал с разодетыми гостями, кто-то жадно налегал на закуски, а у кого-то шампанское уже било из ушей... «Отвратное зрелище...» – выронил художник презрительно.

Смешавшись с разношерстной толпой, мистер Г. и маль-

чонка по-над стенкой, по краю огромного зала, шли в сторону столов, за которыми виднелась побеленная арка. Это был проход в кухню местного чуда света. Задумка была такова: не привлекая внимания, покинуть торжество через чёрный ход, присутствующий на кухне любого ресторана, и тем более замка.

Всё шло по плану, до застолья оставалось рукой подать, но тут заиграла музыка, и трезвые и не очень представители интеллигенции пустились в пляс. Какая-то девушка навеселе схватила бледного, как смерть, художника и затащила его в кружившую в танце толпу. Возможно, лет 5 назад мистер Г. бы с удовольствием составил ей кампанию, но сегодня он не мог... Да и не хотел... На половине вальсового квадрата девица наконец удосужилась взглянуть на своего партнёра – худощавого, безразлично-холодного, растерявшего все признаки жизни человека. Единственное, что делало его живым – это по-прежнему горящие отблески шутивно-беспокойного незатухающего пламени в его глазах. Она, недоумевая из-за столь странного отношения, остановилась посреди зала и попыталась заглянуть художнику в душу. На стоявших несколько раз налетали другие, беззаботно вальсировавшие пары, каждую из которых он одарил бессильно-ненавистным взором. Не столько напуганная, сколько разочарованная из-за поведения своего избранника, девушка с намокшими глазами спешно покинула его, а он, развернувшись спиной к веселящимся, вернулся к растерявшемуся мальчику. Со сторо-

ны происходящее напоминало вращающуюся сцену замершего кукольного театра, который спешил покинуть мистер Г. со своим подопечным.

Теперь для них музыка звучала приглушённо: они пробрались на кухню, а потом и в подсобку, чёрный ход которой не запирался. Осталось дело за немногим – нужно всего-то вернуться домой и разработать план дальнейших действий...

ФИНАЛ

...На природнившейся улице не наблюдалось привычного движения, хотя лавки были открыты. Очереди к булочнику не было, что, по меркам его хлеба, невозможно даже вообразить! Цветочный магазин тоже пустовал, а ведь владела им главная сплетница города, по совместительству, соседка художника по этажу, проживавшая напротив лестницы.

И вновь царил тишина. Шёл обратный отсчёт...

Вестибюль дома также обезлюдел... И мистер Г., понимая всю безысходность ситуации, упал на колени и, горячо обняв мальчишку, вновь по-настоящему прослезился. Ему хотелось рвать и метать от бессилия, от невозможности повлиять на дальнейшие события...

На улице поднялась снежная пурга, равной которой в городе ещё не случалось. По скрипучей лестнице спустился тот, кого нельзя было ожидать... Давний сосед, «тихоня», поправив остроугольную шляпу, сползавшую с его головы, дал «фон Брауну» понять, что на этот раз всё кончено не только для подопечных, но и для самого "художника"...

Посмотрев на мальчика с тем же сожалением, что и на мистера Г. сегодняшним утром, он взял беглеца под руку и повёл за открытую дверь. Беглец, у выхода обернулся к уже совершенно потерянному ребенку, которого он мог бы называть сыном при других обстоятельствах... Он попытался ему что-то сказать, но не смог вымолвить ничего кроме одного слова... Им было прощальное "Прости". После этого оба, провинившийся "художник" и "тихоня", из заднего кармана которого торчал значок офицера, исчезли навсегда... Они оба растворились в ревущей метели, оставив малыша гадать: что же всё-таки случилось за этот пришедший непрошено день?..

* * *

Что произошло с тем, кто скромно подписывал свои картины " Г. "?

Его забрали. Пора... Пришла пора платить.

А что же мальчик?

Он попал в тот самый приют, о детях которого заботился мистер Г....

Мальчонка некоторое время искренне не понимал: кто и за что увёз его дядюшку? Но, повзрослев, он всё-таки узнал правду... Он узнал правду такой, какой бы невозможно было поверить, окажись мы на его месте...

Когда-то один человек, с годами – совсем другой. Невобразимая для подросткового паренька картина...

Что же ещё добавить?

Жизнь меняет... Но нужно время, честность перед самим собой... и... самое важное – шанс, а он-то даётся не каждому...